

ЮБИЛЕЙ

"С Аленой у нас идеальная пара..."

WWW.IFPRESS.RU

"Извините, пожалуйста, но я опоздаю на встречу на полчаса. Я заехал в госпиталь..." Уж не заболел ли, подумалось, но он добавил: "У меня тут дела. Я просто взял шефство над военным госпиталем".

Сегодня Александр Буйнов — один из самых востребованных артистов российской сцены. Есть у него и красавица-жена, и умница-дочь, и дом в Подмоскowie, и преданные поклонницы — в общем, все, что необходимо для успешной карьеры в шоу-бизнесе.

24 марта у "московского пустого бамбука" — большой юбилей, и "МК" не удержался от соблазна побеседовать накануне с именинником и узнать "Как стать Буйновым?".

— Я очень люблю жизнь во всех ее проявлениях! Яркую, со всеми закидонами, трагическими и веселыми исходами. Обычная, тихая жизнь — это рутинка и болото. А я очень люблю женщин, свидания, переживания, сходы-расходы, любовные трех-, четырех- и пятиугольники. Мне всегда хотелось кайфа в жизни.

Я в первый раз еще в армии женился. Но это не говорит о том, что я ветрен. Просто про каждую девушку я думал, что она на всю жизнь, и мне надо обязательно жениться. Может, я и не совершал бы этих ошибок, не рожал бы детей, если бы знал, что расстанемся. Вообще, парень должен жениться лет в тридцать, а жена быть моложе лет на десять. Вот у нас с моей Аленой сейчас просто идеальное соответствие.

— Вы занимаетесь с женой одним делом — она, как вы говорите, ваш художественный руководитель. А говорят, очень сложно мужу и жене работать вместе.

— Жутко сложно. Но, честно говоря, спасают гастроли...

— Успеваете соскучиться?

— Да. Отъезды делают свое хорошее дело. Потому что можно скучать, ждать. А когда через три дня приезжаешь в родное гнездо — испытываешь такой кайф встречи! Как будто не виделись уже сто лет. Разлуки, пусть даже маленькие, помогают в семейной жизни.

— А кто у вас глава семьи?

— Ну... Я себя ощущаю главой. Знаю свой дом, свою машину, как все устроено, какие винтики куда надо воткнуть. Я единственный, кто знает в доме все про газ, свет и воду. Я просто обязан это знать. Дом ни на секунду не должен оставаться без присмотра.

— А Алена, значит, у плиты с борщом?

— Нет, это как раз не про нее. Она хозяйка, но не в этом смысле. Она хозяйка с большой буквы. У нее все бегают, у всех под ее присмотром все горит.

— А как же тогда грядущий развод в семье Буйнова? Что это — бред собачий?

— Почему бред? Это нормально.

— Значит, правда?

— Было так. Это обязательно случается пару раз в год. Просто крупные ссоры, перерастающие в развод, и все очень серьезно...

— Сейчас наладилось или как?

— Ну... постельный вопрос помогает процессу примирения.

— От личной жизни — к творчеству. Как прошло превращение капитана Каталкина в романтического героя, коим вы сейчас являетесь? Почему вдруг решили уйти от шуток к серьезному стилю?

— Появилась первая песня "Параллельные пути" с Викой Дроновой. Это был первый сексуально-романтический клип, где Буйнов оказался без очков. Очки придавали моему образу такой несерьезный вид. Клоунада одно время была моим коньком. И вдруг появляется такая вещь: "Не повернуть время назад..." — "Ах, эти глаза..." Получается — песня серьезная, и мы пришли к образу взрослого мальчика. Он и застолбил. Я пробовал выступать в очках, без очков, но потом все-таки решил выступать без них. Кстати, без очков хорошо и любовно заниматься.

— Потому что не видишь, с кем?

— (Смеется.) Нет, наоборот, как раз хорошо видишь. Я же близорукий, поэтому вблизи все вижу четко. А еще без очков хорошо петь про любовь, о Родине, да в принципе любые песни! Хотя некоторые поклонники говорят: "В очках он мне больше нравился!"

— А образ поклонницы Буйнова с годами изменился?

— Поклонницы выходят замуж, рожают детей и становятся домохозяйками, изредка вырываясь на концерт. Публика, конечно, меняется... Омолаживается, что ли. Вот пару недель назад был мой концерт в Санкт-Петербурге, в "Октябрьском". Там и родилась шутка, что моя публика не стареет. Когда я посмотрел в зал, я увидел красивых молодых...

МОСКОВСКИЙ

БАМБУК

ПОЛУЧИЛ 5:5

— Женщин...

— Всех, и ребят тоже. Мне кажется, в зале врачи, учителя, преподаватели, инженеры — интеллигенция такая. Не "ларьки" и не пальцовщики. Хотя в самом начале были и "ларьки". Да и у меня был образ такой — дурака валял. А сейчас просто красивый народ приходит. Это, наверное, тот самый миддл-класс, который мы все так стараемся взрастить в России.

— А какой вы на гастролях?

— Я очень люблю работать, люблю живые концерты. Это не единственный, но главный мой кайф! Поэтому в основном все оговаривается по поводу технической стороны, а в бытовой части все стандартно — ну, может, вино, фрукты. Я вот знаю, что у Андрюши Макаревича в списке требований — бутылочка хорошей водочки, икорочка какая-то. А я на это не обращаю внимания.

— Неужели всегда живьем поете?

— Конечно. Нет, ну был период у всех музыкантов, где-то 1989—1990 годы, когда все работали на стадионах. Это невозможно озвучить на многотысячную толпу. И там фонограммы использовались вовсю. А сейчас все живьем.

— Но практически все молодые певцы начинают только с фанеры...

— Понимаете, если фанерные "заводские-фабричные" собирают стадионы и дворцы, то на здоровье... Если девчонки-тинейджеры пишат и писают, почему бы нет? Они же грамотные музыканты, хорошо поют. Просто попали в такие условия — им надо от-ра-ба-ты-вать те миллионы, которые затрачены на них. Они в долгу. Зато эти ребята проходят отличную школу звездности.

Александр Буйнов: "Без очков хорошо заниматься любовью и петь о родине"

Все это будет хорошей проверкой на вшивость. А все старики и старушки работают честно.

— Ваша дружба с Аллой Борисовной началась, еще когда вы вместе пели в "Веселых ребятах". С ней сложно дружить?

— Да нет никаких сложностей. Нам было по двадцать лет, когда мы вместе играли. Трудно было бы, если у нас с ней был серьезный роман. А я к ней относился как к девчонке, она ко мне — как к пациенту. Попадался момент — зажал в углу где-нибудь. Ведь это уже известный случай, когда на заднем сиденье автобуса мы с ней обнимались, вызывая дикую ревность у руководителя, который страстно хотел ее закардить. Она, например, заставила меня вступить в комсомол. Мне было уже 27, и мы должны были ехать в Чехословакию. Нам говорят: "У вас один Буйнов — не комсомолец!" А Алла — секретарь ячейки.

Сейчас редко, но заезжаю к ней в гости на дни рождения, праздники.

— А вообще, можно дружить в шоу-бизнесе?

— Конечно. С Ларисой Долиной дружим. Бывают клевые пацаны типа Коли Расторгуева, Саньки Маршала, Миши Шуфутинского. Вот недавно с Санькой собрались — и до пяти утра дурака валяли. Но самый умат был, когда мы с Маршалом полчаса без перерыва пели матерные частушки. Народ угорал! Знаете почему? Мы с ним исполняли все это с такими серьезными фейсами... Сами не кололись, а то это была бы уже студенческая самодеятельность. Мы с ним сдали просто дипломную работу ГИТИСа.

— А как насчет недоброжелателей?

— Их гораздо больше, чем друзей. Я даже не ожидал, что столько. Мне все время казалось — друзья кругом. А выяснилось, что много не только шипящих людей внизу, но и делающих конкретные гадости наверху. Но я люблю кайф от жизни. Спрасть: "А че ты так торчишь-то?" А я, понимаете, "из-под жизни" торчу! Не от наркотиков, а "из-под жизни". Бошку разбил — нормально, переживем, челюсть свернули — переживем и это...

— Из "Веселых ребят" с кем-нибудь еще дружите?

— Нет. Уже забыто все. Разве что случайно встретимся где-нибудь.

— А кто вас поддержал, когда вы решили заняться сольной карьерой?

— Никто. Я ушел в никуда. Думал, наконец начну играть хард-рок или хэви-метал — подвальный рок. Но Алена оказалась мудрее. Она сказала: "Тебе сейчас 35, этим стилем ты испугаешь публику, которая уже к тебе другому привыкла. А новой публики у тебя нет. Год, два, три будешь делать новый репертуар. А там для тебя уже места нет. Вот тебе пианино, садись пиши себе репертуарчик!" Так и появилась первая пластинка — "Билет на Копенгаген". И понеслось...

— В скандале с Ароном вы поддержали Филиппа. Это по дружбе или из-за нелюбви к пишущей братии?

— Я поддержал Киркорова сугубо из-за попового братства. Как мужчина — нет. Потому

как я давно уже не возмущаюсь тому, что пишет желтая пресса. Особенно заметки типа: "Буйнов приехал на рынок и не заплатил охранникам". Да я вообще никогда на рынок не езжу — ездит мой шофер. И это меня возмущает даже больше, чем когда пишу, какого размера мое мужское достоинство. Алена, правда, говорит: "Ну я-то знаю!..."

— "Московский пустой бамбук" в вас часто просыпается?

— "Пустой бамбук" — это упражнение ушу, которое означает отрешение от суеты, способ медитации, надо пропустить всю силу космоса через себя. Это — пофигист. А я пофигист в какой-то мере — не беру в голову многое из того, что Алена берет. Не заморачиваюсь вообще.

— И по поводу внешности? Прическа у вас недавно очень необычная была — на висках выбритые дорожки. Новый имидж?

— Шутка гения. Серега Зверев постарался. Мы приехали на концерт Юдашкина, а стилистам до этого сообщили, что Буйнов придет немножко обросший с гастролей, и надо будет его подравнять немножко. Ну вот он меня так и подравнял. Теперь я, правда, сбрил все.

— У вас отличная фигура. Наверное, из спортзалов не выходите?

— (Опять смеется.) Как сказали, так бы хорошо было и напечатать в газете! Да я просто туда и не вхожу. То, что родители дали, то и имею.

— А с пластической хирургией не знакомы?

— Я отношусь к этому нормально — весь Голливуд это делает. Но мужик должен быть все-таки мужиком — с рожой обветренной, такой герой-ковбой. Правда, я мужской косметикой пользуюсь постоянно. Алена у меня — врач-косметолог. Она мне и сказала, что, если не хочешь ничего подтягивать и резать, — вот тебе крема. Я сейчас так привык, что уже не могу без них. Смешно было, когда одна актриса полезла ко мне за ушами шрамы от пластической операции проверять: "Небось подтягивал?..." Потом убедилась, что у меня все свое.

— Вредных привычек много?

— Полно. Я курю, пью, могу часами смотреть футбол по телевизору. За каждый гол могу пить по стаканчику. В общем, я состою из вредных привычек. Но никогда не похмеляюсь. Мне один дядя сказал, что это очень вредно. Я с тех пор по утрам ем бараний бульон, кисло-молочное что-нибудь. Это такой кайф!

— Шоу-бизнес вас изменил?

— А я как бы не в шоу-бизнесе. Я часть его, участвую в каких-то проектах, но я не в нем. Я самодостаточный. У меня есть студия, дом и концертная площадка. Вот и все.

— А ошибок много было?

— Да. В основном на личном фронте. В творчестве — тоже, но за них я сам себя съедал потом. Я же постоянно самообразовывался. К сороковнику вот закончил режиссерский факультет ГИТИСа. При советской власти Министерство культуры издало указ, что на сцену может выйти человек только с музыкальным образованием...

— Какой день рождения остался в памяти на всю жизнь?

— Каждый празднуется неделю... Но самый замечательный был в 18 лет. Это было с Градским на гастролях. По-моему, в Пензе. Мы решили заработать денег на аппаратуру. В итоге после гулянки хватило денег только на батон хлеба и бутылку молока. Но было классно!

— А в детстве вы, конечно, ненавидели манную кашу и музыкальную школу...

— Нет, я очень любил манную кашу. Комочки — это самое вкусное в ней. А еще классно, чтобы она чуть-чуть подгорела, и вот эта шкварочка — просто объедение. С детства помню, как мама, когда уходила на работу, оставляла в гусятнице томленную овсяную кашу. Туда килограмм сахара положишь — вкусно!

А "музыкалка" у меня вызывала двойное чувство. Короткие штанишки, ботиночки, береточка, чулочки, а вокруг — нормальные пацаны в соплях. И мне хотелось быть как они — хулиганом. В общем, было раздвоение личности. В школе мне нравилось, а как только выходил из нее — тут же хотелось забросить подальше эту папочку с нотами и получить синяк под глаз...

— Дочь не пошла по стопам папы?

— Нет. Юлия в салоне красоты работает пир-менеджером.

— Вы хороший отец?

— Я ушел из семьи, когда Юльке было 12 лет. А это проблемный возраст для ребенка. Она очень переживала. Но я думаю, что я все-таки не очень плохой отец, хотя не сказал бы, что так уж сильно ей занимался. Но мы совершали походы в лес — я помню, как рассказывал ей, почему некоторые птицы не улетают, почему лягушка спит зимой... А потом, когда ей уже было лет 14, я с ней откровенно поговорил по-взрослому, чтобы она поняла, почему все так сложилось. Ей же не объясняешь, что я влюбился. Она все равно ревновала как дочь отца. Юлия не сразу, но все-таки меня поняла. Можно было все это и дальше тянуть, дожидаться, когда она закончит школу. Но ничего бы не изменилось.

— Как отметите этот день рождения?

— Все пройдет в большом ресторане. У меня в приглашении написано: "Приходите! Будет как всегда весело, шумно, пьяно, форте" — в общем, будет наутро что вспомнить... Соберется человек за 200, но все очень близкие люди — это и солидные, и неслидные дядьки.

— Банальный вопрос: "Вы счастливый человек?"

— Знаете, как можно быть счастливым при том, что идет война, гибнут дети? Не такой уж это и глупый вопрос... Олигофрен тоже ведь считает себя счастливым, и ему можно иногда позавидовать... При любом веселье, при любой ржачке задай такой вопрос — сразу начинаешь задумываться.

У меня — как у того мужика, у которого здоровье есть, баба есть, конь есть, печка и блины есть. Но нельзя чувствовать себя олигофреном, когда кругом творится такое.

Ирина ЛЫЩИЦКАЯ.